

УДК 34

Особенности развития норм, предусматривающих ответственность за прикосновенность к преступлениям против собственности, в уголовном законодательстве советского периода

Мурин Дмитрий Анатольевич

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории права и государства,
Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации,
644092, Российская Федерация, Омск, просп. Комарова, 7;
e-mail: murin_01@bk.ru

Аннотация

В данной статье автор рассматривает историю развития норм, предусматривающих ответственность за прикосновенность к преступлениям против собственности, в уголовном законодательстве советского периода. Отмечается, что особым периодом исторического развития отечественных уголовно-правовых норм о прикосновенности к преступлениям против собственности являлся советский период, продлившийся с 1917 г. по 1991 г. Данный период характеризуется тем, что законодательные акты первых лет послеоктябрьского периода не проводили последовательной линии в вопросе разграничения прикосновенности к преступлению и соучастия в преступлении. В дальнейшем Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. разграничил попустительство от пособничества. УК РСФСР 1926 г., по сравнению с УК РСФСР 1922 г., пошел по пути детализации ответственности прикосновенных лиц, не меняя кардинально решения проблемы прикосновенности. Затем, вплоть до издания Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г., вопрос о прикосновенности к имущественным преступлениям в законодательном плане особым изменениям не подвергался. Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. и принятый на их базе УК РСФСР 1960 г. четко разграничили заранее не обещанное укрывательство и заранее обещанное укрывательство. В Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1991 г. институт прикосновенности в целом и прикосновенность к преступлениям против собственности в частности законодателем никак не рассматривались.

Для цитирования в научных исследованиях

Мурин Д.А. Особенности развития норм, предусматривающих ответственность за прикосновенность к преступлениям против собственности, в уголовном законодательстве советского периода // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 9А. С. 7-15.

Ключевые слова

Преступления против собственности, ответственность, норма, прикосновенность к преступлениям против собственности, соучастие, укрывательство.

Введение

После Октябрьской революции прикосновенность была включена как вид пособничества в институт соучастия. Характерной чертой регулирования прикосновенности в то время было то, что ее отдельные формы выделялись, но не раскрывалось их содержание.

До принятия Руководящих начал по уголовному праву 1919 г. уголовное законодательство республики формировалось на основе многочисленных декретов, регулировавших и охранявших наиболее важные общественные отношения.

Наиболее известно среди них обязательное Постановление Совета Кузнецкого уездного комиссариата, которое содержит двадцать различных составов преступлений, среди которых есть указание на прикосновенность (укрывательство преступлений лиц, занимающихся производством самогона) [Материалы НКЮ, 1918].

Об ответственности за укрывательство («покровительство») впервые упоминает постановление Наркомфина о запрещении купли, продажи или передачи хлопковых предприятий всех видов и регистрации акций и паев этих предприятий [Голяков, 1953]. В нем, в частности, говорилось: «За неисполнение сего постановления, сообщение ложных сведений, сокрытие сведений, несоблюдение сроков и за содействие или покровительство по нарушению сего постановления виновные придаются Революционному Трибуналу». Таким образом, постановление Наркомфина впервые вводит в советское законодательство понятие укрывательства (покровительство), являющегося одним из видов прикосновенности к преступлениям против собственности.

Основная часть

Важным законотворческим событием того времени явилось издание Руководящих начал по уголовному праву РСФСР от 12 декабря 1919 г. – прообраза Общей части уголовного права. Руководящие начала не обошли вниманием вопрос о юридической оценке прикосновенности к преступлению. Однако термин «прикосновенность» в них не использовался, а лишь упоминались ее отдельные виды. Следует отметить, что здесь впервые в советском уголовном законодательстве было употреблено понятие «попустительство».

Прежде всего, необходимо отметить, что некоторые виды прикосновенности были отнесены Руководящими началами к соучастию в преступлении, что значительно и необоснованно расширяло рамки соучастия. Так, например, в соответствии со ст. 24 Руководящих начал, пособниками являлись «те, кто, не принимая непосредственного участия в выполнении преступного деяния, содействуют выполнению его словом или делом, советом, указаниями, устранением препятствий, сокрытием преступника или следов преступления или попустительством, т.е. невоспрепятствованием совершению преступления» [там же, 59-60].

Руководящие начала не предусматривали в качестве самостоятельного такой вид прикосновенности, как недонесение о готовящемся или совершенном преступлении.

Таким образом, широко трактуя содержание пособничества, Руководящие начала фактически отказались от института прикосновенности к преступлению как специфического и самостоятельного. Это, безусловно, не способствовало его наиболее эффективной реализации и не отвечало задачам индивидуализации наказания в соответствии с содеянным.

В последующие годы также издавались и другие законодательные акты, предусматривающие ответственность за прикосновенность к преступлениям против

собственности. Так, в декрете ВЦИК и СНК РСФСР от 1 июня 1921 года, специально посвященном борьбе с хищениями государственного имущества и с должностными преступлениями, способствующими этим хищениям, особо подчеркивается ответственность должностных лиц, виновных в прямом или косвенном участии в хищениях. Декрет различает прямое участие должностных лиц в хищениях, пособничество в хищениях, умышленное невоспрепятствование хищениям или непринятие мер воспрепятствовать хищениям. Причем указанный декрет, в отличие от позиции Руководящих начал 1919 г., рассматривает попустительство (невоспрепятствование хищениям или непринятие мер воспрепятствовать хищениям) не как разновидность пособничества, а как самостоятельное должностное преступление [там же, 60].

Таким образом, законодательные акты первых лет послеоктябрьского периода, предусматривая ответственность за преступное попустительство либо отдельные его виды, не проводили последовательной линии в вопросе разграничения прикосновенности к преступлению и соучастия в преступлении, в результате чего прикосновенность как бы «сливалась» с пособничеством. Отсутствовал в законодательстве этого периода и дифференцированный подход к определению ответственности соучастников и прикосновенных к преступлению лиц в зависимости от степени участия в таком деянии и характера их противоправной деятельности.

Конечно, в своей практической деятельности органы правосудия учитывали различную степень опасности действий причастных к преступлению лиц, хотя, как отмечают исследователи, не всегда придавали одинаковое значение даже действиям соучастников [Мишунин, 1953]. В целом же при разрешении конкретных дел судебные органы подходили дифференцировано к ответственности соучастников и прикосновенных к преступлению лиц. Однако это не означало, что прикосновенное лицо не могли наказать строже, чем соучастника.

Знаменательной вехой в истории советского уголовного права явилась разработка Уголовного кодекса РСФСР 1922 г., изданием которого было в основном завершено построение социалистического уголовного права, начатое с первых дней установления Советской власти. Все последующее развитие советского уголовного законодательства можно рассматривать как дальнейшее усовершенствование издания советского уголовного права.

В отличие от Руководящих начал, кодекс 1922 г. разграничил попустительство от пособничества. Вместе с тем кодекс внес существенные изменения в само понятие попустительства. В соответствии с УК 1922 г., за попустительство несли ответственность только должностные лица, в чьи обязанности входило оказание непосредственных противодействий совершающемуся преступлению (ст. 107 УК РСФСР).

Недоносительство влекло за собой ответственность лишь в отношении наиболее тяжких контрреволюционных преступлений (ст. 58-66 УК РСФСР), недонесение же по всем остальным преступлениям для частных лиц не влекло уголовной ответственности.

Нельзя не обратить внимание и на то, что УК РСФСР 1922 г., относя всякое укрывательство к пособничеству, вступал в противоречие со своим собственным определением понятия пособничества, даваемым в ч. 2 ст. 16 УК, согласно которому пособниками считаются лишь «те, кто содействует выполнению преступления». Между тем деятельность укрывателя при отсутствии заранее данного обещания не может расцениваться как содействие выполнению преступления, а следовательно, она не является пособничеством преступлению.

Уголовный кодекс 1922 г., установив ответственность за покупку заведомо краденого имущества, вводит еще один вид прикосновенности к преступлению. Заранее не обещанное

приобретение и сбыт имущества, заведомо для виновного добытого преступным путем, было представлено в УК РСФСР 1922 г. как самостоятельное преступление ст. 181, 207.

Из расположения статей, предусматривавших ответственность за это преступление, видно, что законодатель разграничивал заранее не обещанное приобретение и сбыт имущества, заведомо для виновного добытого преступным путем, и укрывательство преступлений. Это наблюдается в тексте ст. 76, где кроме пособничества бандам и укрывательства банд и отдельных их участников установлена ответственность и за сокрытие добытого. Однако, в соответствии со ст. 207 лица, заведомо принявшие от военнослужащего по какому бы то ни было основанию (покупка, обмен, подарок, заклад и т.д.) предметы, похищенные военнослужащим, подлежали ответственности как соучастники [Чистяков, 1997, 107]. В судебной практике это преступление оценивалось также. Так, решением Верховного Суда УССР приговор Подольского губернского суда по делу Раевского и Киевской, осужденных по ст. 16 и 180 УК УССР (ст. 181 УК РСФСР 1922 г.) за укрывательство похищенного имущества, хотя оно и не было заранее обещанным, был оставлен в силе [Вестник советской юстиции, 1925, 761].

Общий состав заранее не обещанного приобретения или сбыта имущества, заведомо для виновного добытого преступным путем, был описан в ст. 181 УК РСФСР [Чистяков, 103]. Здесь была предусмотрена ответственность только за покупку заведомо краденого. Из буквального толкования текста статьи видно, что УК РСФСР 1922 г. объявляет преступным приобретение имущества, полученного в результате совершения любого другого преступления, за исключением преступлений по ст. 76 и 207.

Несмотря на то, что данное преступление приравнивалось к соучастию в преступлении, одним из обстоятельств, отягчающих ответственность, являлось его совершение в виде промысла. Другим обстоятельством, отягчающим ответственность, была цель сбыта. Однако ответственности за сбыт в ст. 181 установлено не было.

Судебная практика квалифицировала сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, используя аналогию права, также по ст. 181 УК РСФСР. Например, Северокавказский краевой суд осудил по ст. 181 УК РСФСР Вильденова, признанного виновным в заранее не обещанной реализации имущества, добытого преступным путем [Судебная практика РСФСР, 1927, 20].

УК РСФСР 1926 г., по сравнению с УК РСФСР 1922 г., пошел по пути детализации ответственности прикосновенных лиц, не меняя кардинально решения проблемы прикосновенности. Как и УК РСФСР 1922 г., УК РСФСР 1926 г. укрывательство преступления и попустительство относил к соучастию в преступлении. Недонесение считалось самостоятельным преступлением и в соответствии с ч. 2 ст. 18 УК РСФСР преследовалось в специально предусмотренных случаях.

Как и в УК РСФСР 1922 г., диспозиция статьи 164 УК РСФСР 1926 г. была немногословной – скупка заведомо краденого – и содержала в себе те же недостатки: не предусматривала ответственность за сбыт краденого, ограничивала предмет преступления только краденым имуществом, не говоря об имуществе, которое было добыто в результате совершения других преступлений [Карницкий, Рогинский, 1934]. Практика применения ст. 164 УК РСФСР 1926 г. шла по пути расширительного толкования понятия «краденое». По ст. 164 квалифицировались случаи приобретения имущества, добытого путем совершения любого корыстного преступления [Судебная практика РСФСР, 1927, 27].

Частично восполнила этот пробел в законодательстве РСФСР ст. 164-А («Покупка, хранение

и продажа заведомо похищенного огнестрельного оружия») УК РСФСР, введенная 17 июня 1929 г. В науке предлагалось квалифицировать случаи покупки заведомо краденого государственного и общественного имущества, если эта покупка имела место неоднократно или производилась классово чуждым элементом, в крупных размерах, по Постановлению ЦИК и СНК от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» как соучастие в основном преступлении [Карницкий, Рогинский, Строгович, 143].

Позднее, после Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», неоднократная покупка заведомо краденого при отсутствии данных о соучастии в хищении стала квалифицироваться по ст. 164 УК РСФСР.

В этом отношении характерно дело Бабакишиева, принявшего на хранение вещи, похищенные Гусейновым и Кусумовым. Договоренности относительно принятия Бабакишиевым на хранение похищенных вещей между ними не было. Несмотря на это, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР действие Бабакишиева квалифицировала как соучастие (пособничество) в хищении личной собственности граждан [Судебная практика Верховного суда СССР, 1953].

Уголовная ответственность за попустительство должностных лиц была установлена в ст. 111 УК РСФСР. Бездействием власти считалось невыполнение должностным лицом действий, которые оно по обязанности своей службы должно было выполнить, при наличии признаков, предусмотренных ст. 109 [Карницкий, Рогинский, Строгович, 1934, 97].

В тех случаях, когда попустительство преступлению по ст. 111 («Бездействие власти») было обещано основному преступнику до совершения им преступления, поведение должностного лица предлагалось рассматривать как идеальную совокупность соучастия в преступлении и бездействие власти [Пионтковский, 1928].

Таким образом, была необходимость квалификации любого попустительства преступлению в качестве соучастия. В условиях военного времени именно так квалифицировалось попустительство хищениям государственного имущества, преследуемое по закону 7 августа 1932 г. При этом круг лиц, на которых ложится обязанность препятствовать совершению преступления, был очерчен очень широко. Верховный Суд СССР в 1942 г. как пособничество квалифицировал попустительство старшего группы рабочих, видевшего, что в вагон таскают мешками краденую муку и, тем не менее, не принявшего никаких мер к пресечению преступления.

В дальнейшем, вплоть до издания Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г., вопрос о прикосновенности к имущественным преступлениям в законодательном плане особым изменениям не подвергался, если не считать издание ряда общесоюзных актов, устанавливавших повышенную ответственность за недонесение о некоторых видах преступления. Так, указами от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и «Об усилении охраны личной собственности граждан» предусматривалась повышенная ответственность за недонесение органам власти о достоверно известном готовящемся или совершенном разбое, а также готовящемся или совершенном хищении социалистического имущества при наличии признаков повторности, организованной группы или крупного размера хищения [Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917-1952 гг., 1953].

Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. и принятый

на их базе УК РСФСР 1960 г. четко разграничили заранее не обещанное укрывательство, ответственность за которое наступала только в специально установленных статьями Особенной части уголовных кодексов случаях (ст. 18 Основ), и заранее обещанное укрывательство (ст. 17 Основ). Недоносительство не охватывалось соучастием и было наказуемо так же, как и заранее не обещанное укрывательство, только в случаях, указанных в Особенной части уголовных кодексов (ст. 19 Основ).

Вопрос о юридической природе укрывательства и доносительства непосредственно Основами и УК РСФСР 1960 г. связывался с объектом раскрываемых преступлений. Эти нормативные правовые акты установили общее правило, согласно которому ответственность за заранее не обещанное укрывательство наступает в случаях, специально предусмотренных законом (ст. 18).

В УК РСФСР 1960 г. при криминализации заранее не обещанного укрывательства перечислялись составы конкретных преступлений, заранее не обещанное укрывательство которых образует уголовно наказуемое деяние.

Например, в ст. 189 УК РСФСР 1960 г. был приведен перечень тяжких и особо тяжких преступлений, заранее не обещанное укрывательство которых образует уголовно наказуемое деяние. Так, в перечень преступлений, заранее не обещанное укрывательство которых наказуемо, были включены умышленное убийство, изнасилование при отягчающих обстоятельствах и разбой.

В последующие годы УК РСФСР 1960 г. значительно расширил круг уголовно наказуемого укрывательства, включив в перечень преступлений, укрывательство которых уголовно наказуемо, 49 составов преступлений. Этот перечень был исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежал. Таким образом, по УК РСФСР 1960 г. объект укрывательства был тесно связан с укрываемым преступлением.

Как и укрывательство, доношение о достоверно известном готовящемся или совершенном преступлении влекло уголовную ответственность лишь в случаях, специально предусмотренных законом (ст. 19 Основ и ст. 19 УК РСФСР 1960 г.). Перечень данных случаев был определен статьями 88 и 190 УК РСФСР 1960 г.

УК РСФСР 1960 г. предусмотрел ответственность за заранее не обещанное приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 208). Указанное деяние, за некоторым исключением, можно отнести к разновидности укрывательства. В соответствии с диспозицией данной статьи, виновный может и не знать, каким именно преступлением добыто приобретаемое имущество. В случае, если виновный достоверно знал, в результате какого именно преступления добыто имущество, его действия квалифицировались по ст. 208 УК РСФСР 1960 г. и соответствующим статьям за укрывательство преступлений.

С субъективной стороны преступное приобретение или сбыт имущества предполагало только наличие прямого умысла: виновный осознает, что приобретает или сбывает имущество, добытое в результате преступления, и желает совершить эти действия.

Таким образом, УК РСФСР 1960 г. предусматривал ответственность за укрывательство преступлений (ст. 189); доношение о них (ст. 88, 190); за приобретение, хранение и сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 208); за оставление в опасности, совершенное не только лицом, обязанным оказывать помощь, но и любым очевидцем (ст. 127), что также признавалось попустительством преступлениям. Кроме того, статьи 18 и 19 Общей части УК РСФСР были посвящены таким видам прикосновенности к преступлению, как укрывательство и доношение.

Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, которые были приняты Верховным Советом СССР 2 июля 1991 г., но так и не были введены в действие с 1 июля 1992 г. в связи с распадом СССР, не содержали в себе вообще никакого упоминания ни о прикосновенности к преступлениям, ни о видах прикосновенности к преступлениям против собственности.

Заключение

Подводя итог, необходимо сказать, что изложенное выше позволяет нам выделить особый период исторического развития отечественных уголовно-правовых норм о прикосновенности к преступлениям против собственности – советский период, продлившийся с 1917 г. по 1991 г.

Данный период характеризуется тем, что законодательные акты первых лет послеоктябрьского периода не проводили последовательной линии в вопросе разграничения прикосновенности к преступлению и соучастия в преступлении. В дальнейшем Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. разграничил попустительство от пособничества, а также заранее не обещанное приобретение и сбыт имущества, заведомо для виновного добытого преступным путем, и укрывательство преступлений. Данный кодекс также установил ответственность за еще один вид прикосновенности к преступлению – покупку заведомо краденого имущества, недоносительство же влекло за собой ответственность лишь в отношении наиболее тяжких контрреволюционных преступлений. УК РСФСР 1926 г., по сравнению с УК РСФСР 1922 г., пошел по пути детализации ответственности прикосновенных лиц, не меняя кардинально решения проблемы прикосновенности. В дальнейшем, вплоть до издания Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г., вопрос о прикосновенности к имущественным преступлениям в законодательном плане особым изменениям не подвергался, если не считать издание ряда общесоюзных актов, устанавливавших повышенную ответственность за недонесение о некоторых видах преступления. Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. и принятый на их базе УК РСФСР 1960 г. четко разграничили заранее не обещанное укрывательство и заранее обещанное укрывательство, в Общей и Особенной части УК РСФСР 1960 г. стала предусматриваться ответственность за отдельные виды прикосновенности к преступлению. Необходимо отметить, что в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1991 г. институт прикосновенности в целом и прикосновенность к преступлениям против собственности в частности законодателем никак не рассматривались.

Библиография

1. Вестник советской юстиции. 1925 г. №19. С. 761.
2. Карницкий Д., Рогинский Г., Строгович М. Уголовный кодекс РСФСР: Практическое пособие для работников юстиции и юридических курсов. М.: Советское законодательство, 1934.
3. Материалы НКЮ. 1918 г. Вып. 2. С. 40-42.
4. Мишунин П.Г. Очерки по истории советского уголовного права 1917-1918 гг. М., 1953. С. 178.
5. Пионтковский А.А. Советское уголовное право. Т. 2: Особенная часть. М.; Л.: Институт Советского права, 1928.
6. Голяков И.Т. (ред.) Сборник документов по истории Уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917–1952 гг. М. 1953.
7. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917-1952 гг. М., 1953 г.
8. Судебная практика РСФСР. 1927 г. № 1. С. 20.
9. Судебная практика Верховного суда СССР. 1953. № 3.

Peculiarities of the development of norms providing for liability for involvement in crimes against property in the criminal legislation of the Soviet period

Dmitrii A. Murin

PhD in Law,
Associate Professor of the Department of theory and history of law and state,
Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
644092, 7, Komarova ave, Omsk, Russian Federation;
e-mail: murin_01@bk.ru

Abstract

In this article, the author examines the history of the development of norms providing for liability for involvement in crimes against property in the criminal legislation of the Soviet period. It is noted that a special period in the historical development of domestic criminal law norms on involvement in crimes against property was the Soviet period, which lasted from 1917 to 1991. This period is characterized by the fact that legislative acts of the first years of the post-October period did not follow a consistent line in the issue of distinguishing between involvement in a crime and complicity in a crime. Later, the Criminal Code of the RSFSR of 1922 distinguished connivance from aiding and abetting. The Criminal Code of the RSFSR of 1926, in comparison with the Criminal Code of the RSFSR of 1922, took the path of detailing the liability of affected persons, without fundamentally changing the solution to the problem of involvement. Then, right up until the publication of the Fundamentals of Criminal Legislation of the USSR and the Union Republics in 1958, the issue of involvement in property crimes in the legislative plan was not subject to any special changes. The Fundamentals of Criminal Legislation of the USSR and the Union Republics of 1958 and the Criminal Code of the RSFSR of 1960 adopted on their basis clearly distinguished between concealment that was not promised in advance and concealment that was promised in advance. In the Fundamentals of Criminal Legislation of the USSR and the Union Republics of 1991, the institute of involvement in general and involvement in crimes against property in particular were not considered by the legislator in any way.

For citation

Murin D.A. (2024) Osobennosti razvitiya norm, predusmatrivayushchikh otvetstvennost' za prikosnovennost' k prestupleniyam protiv sobstvennosti, v ugolovnom zakonodatel'stve sovetskogo perioda [Peculiarities of the development of norms providing for liability for involvement in crimes against property in the criminal legislation of the Soviet period]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (9A), pp. 7-15.

Keywords

Crimes against property, responsibility, norm, involvement in crimes against property, complicity, concealment.

References

1. Chistyakov O.I. (1997) *Khrestomatiya po istorii otechestvennogo gosudarstva i prava 1917-1991 gg.* [Reader on the history of the domestic state and law 1917-1991]. Moscow.
2. Golyakov I.T. (ed.) (1953) *Sbornik dokumentov po istorii Ugolovnogo zakonodatel'stva SSSR i RSFSR 1917-1952 gg.* [Collection of documents on the history of the Criminal legislation of the USSR and the RSFSR 1917-1952]. Moscow.
3. Karnitskii D., Roginskii G., Strogovich M. (1934) *Ugolovnyi kodeks RSFSR: Prakticheskoe posobie dlya rabotnikov yustitsii i yuridicheskikh kursov* [Criminal Code of the RSFSR: A Practical Guide for Justice Workers and Legal Courses]. Moscow: Sovetskoe zakonodatel'stvo Publ.
4. *Materialy NKYu* [Materials of the People's Commissariat of Justice] (1918), 2, pp. 40-42.
5. Mishunin P.G. (1953) *Ocherki po istorii sovetskogo ugolovnogo prava 1917-1918 gg.* [Essays on the History of Soviet Criminal Law in 1917-1918] Moscow.
6. Piontkovskii A.A. (1928) *Sovetskoe ugolovnoe pravo. T. 2: Osobennaya chast'* [Soviet Criminal Law. Vol. 2: Special Part]. Moscow; Leningrad: Institut Sovetskogo prava Publ.
7. *Sbornik dokumentov po istorii ugolovnogo zakonodatel'stva SSSR i RSFSR 1917-1952 gg.* [Collection of documents on the history of the criminal legislation of the USSR and the RSFSR 1917-1952] (1953) Moscow.
8. *Sudebnaya praktika RSFSR. 1927 g.* [Judicial practice of the RSFSR], 1, pp. 20.
9. *Sudebnaya praktika Verkhovnogo suda SSSR* [Judicial practice of the Supreme Court of the USSR] (1953), 3.
10. *Vestnik sovetskoi yustitsii* [Bulletin of Soviet Justice]. (1925), 19, pp. 761.